

ПОЛИТИКА

А.З.Арабаджян

Эволюция политико-идеологических основ кубинского социализма и ее отражение в конституциях страны

В статье исследуются политико-идеологические изменения кубинского социализма, особое внимание уделяется периоду «актуализации социально-экономической модели развития» Кубы, которая начала внедряться с VI съезда Коммунистической партии. Выделяются три исторически сменявших друг друга модели кубинского социализма (марксистско-ленинская, переходная и модель актуализации); в данной работе они рассматриваются с точки зрения политико-идеологических аспектов (понятие и функции государства, роль партии, проблемы социализма, коммунизма и марксизма через призму идеологии), отраженных в конституциях страны. Анализируется изменение подхода к проблемам эксплуатации и угнетения, к понятиям равноправия и равенства и к апелляции к Хосе Марти. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на закрепление, вплоть до сегодняшнего дня, в Конституции положений, указывающих на значимую роль марксизма, кубинский социализм перестает ориентироваться на ключевые для этой теории положения, сдвигаясь к узко национальной проблематике.

Ключевые слова: Куба, Конституция, социализм, марксизм, актуализация модели развития, государство.

DOI: 10.31857/S0044748X0017111-1

Статья поступила в редакцию 23.07.2021.

Современная Куба переживает серьезные трансформации, затрагивающие как ее экономическую стратегию, так и политическую сферу. Эти сдвиги проявляются в кризисных ситуациях, с одной из которых страна столкнулась в связи с ухудшением социально-экономической обстановки, вызванной пандемией коронавируса, поразившей мир в 2020 г.

Экономическая дестабилизация была спровоцирована, в первую очередь, закрытием границ, ужесточением торгово-экономической блокады и прекращением туристической деятельности, что ударило по источнику поступления валюты. Эти средства необходимы для импорта товаров, вплоть до продуктов первой необходимости, обеспечивающих базовые потреб-

Александра Завеновна Арабаджян — магистр истории, младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, аспирант Института всеобщей истории РАН (РФ, 117418 Москва, ул. Профсоюзная, 23, <https://orcid.org/0000-0001-8927-5411>, aleche28@gmail.com).

ности населения, а также материалов для поддержания производственных процессов. В 2020 г. кубинская экономика испытала спад в 11% [1], что сопоставимо с наиболее тяжелым периодом кубинской истории — так называемым «особым периодом в мирное время», наступившим в результате распада социалистического лагеря и обернувшимся для Кубы сокращением ВВП почти на 35% и внешнеторгового оборота более чем на 76% за 1989—1993 гг. [2, сс. 33, 53]

Ухудшение социально-экономической ситуации имело политические последствия: 11 июля 2021 г. в ряде городов Кубы граждане вышли на улицы с широким спектром требований: от выступлений за налаживание адекватного снабжения электричеством и товарами до политических лозунгов смены власти [3]. Этот всплеск был отчасти вызван конъюнктурными проблемами, которые усугубились ужесточением американской блокады, но кризис на Кубе — не только результат пандемии. Он отражает структурные экономические и политико-идеологические трансформации кубинской общественной системы.

В статье исследуется динамика кубинской социалистической системы посредством выделения и сопоставления трех моделей кубинского социализма, имеющих разные политэкономические основы (подробное освещение политэкономических различий выделяемых моделей является предметом отдельного исследования автора, здесь же представлено в общем виде). Первая — марксистско-ленинская модель; политэкономически базируется на высокой степени обобществления, которая осуществлялась через национализацию, ликвидацию эксплуатации, централизованную систему планирования. Модель строилась на марксистской трактовке социализма [4, сс. 119-122, 215-224], постепенно институционализировалась на Кубе после победы революции 1959 г. и была зафиксирована в Конституции 1976 г. Вторая модель (далее — переходная, модель «особого периода») носит переходный характер. Ее возникновение связано с кризисом начала 1990-х годов, когда Куба на фоне общего спада интереса к марксизму в мире в условиях распада социалистического лагеря отступила от некоторых основополагающих для данной теории положений. Политэкономически модель включила в себя изменение форм собственности, сокращение государственного сектора и расширение кооперативного без легализации частной собственности на средства производства. На высшем законодательном уровне была модифицирована Конституция (1992 г.), и ее новая версия отразила указанные изменения.

Третья модель (далее — модель «актуализации») стала формироваться в связи с новым витком реформ, получивших название «актуализация кубинской модели развития» (далее — «актуализация»). Эта программа преобразований была принята на VI съезде Коммунистической партии Кубы (*Partido Comunista de Cuba, PCC*) в 2011 г., когда Фидель Кастро уже покинул основные руководящие должности, и его сменил младший брат Рауль, и осуществляется до сих пор при лидерстве Мигеля Диас-Канеля. Работы по изменению Конституции были начаты в соответствии с решением Политбюро *PCC* в 2013 г. 2 июня 2018 г. была создана Парламентская комиссия по конституционной реформе из 33 депутатов Национальной ассамблеи народной власти (*La Asamblea Nacional del Poder Popular, ANPP*)

во главе с Раулем Кастро, которая разработала окончательный вариант проекта Конституции, утвержденный на сессии Национальной ассамблеи 21-22 июля 2018 г. Так, проект, зафиксировавший новый взгляд на социализм, во многом отражает подходы, распространенные на высшем уровне партийной иерархии и среди политической элиты страны. Проект представляется показательным, поскольку ряд его положений после народных консультаций был переработан, что отражает различие в позициях рядовых граждан и составителей проекта по отношению к вопросам, касающимся проблем социализма и марксизма. В результате в 2019 г. была принята новая Конституция Кубы. Политэкономическая модель «актуализации» допускает найм рабочей силы, сильно отходит от централизованного планирования и юридически закрепляет частную собственность на средства производства, а с 2021 г. легализовала мелкий и средний бизнес.

Названные выше варианты Конституции являются основными источниками исследования. Методологически применяется сравнительный анализ указанных текстов, а также используется категориальный аппарат марксистской теории, поскольку именно она сознательно использовалась кубинским руководством при формировании первой из выделенных моделей в 1960-х годах. Предметная область статьи ограничена политическими проблемами — вопросами государства, партии, идеологии и др.

Новизна подхода состоит в том, что в литературе, где затрагивается проблематика трансформаций Кубы после распада СССР, нередко содержится четкий и подробный анализ эволюции кубинского общества [2]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10], но не учитывается, что Куба до сих пор апеллирует к марксизму как к теории, на которую опирается ее социализм. Этот фактор влияет на то, что в ряде других работ [11]; [12]; [13] кубинская система описывается как базирующаяся на социализме как в прошлом, так и в настоящем. При этом упускается динамика сути и трактовки социализма. Цель исследования — установить характер различий в трех выделяемых моделях кубинского социализма в области политики.

ОТ РАБОЧЕГО ГОСУДАРСТВА К ГОСУДАРСТВУ-НАЦИИ

Исключительную важность представляет перемена определении субъекта, интересы которого выражает существующее социалистическое государство. В Конституции 1976 г. занимаемая по этому вопросу позиция формулировалась в русле марксизма-ленинизма: рабочий класс считался ведущей силой социалистического строительства, выступавшей в союзе с крестьянством и другими трудящимися; вместе они представляли власть «трудового народа» [14, р. 2]. *РСС* рассматривалась как авангард рабочего класса, а государство считалось основанным на принципах «социалистической демократии, единства власти и демократического централизма» [14, р. 15].

Обращение к рабочему классу как к ключевому, чьи интересы реализует государство, было извлечено из текста Основного закона уже в 1990-х годах. В этом варианте вводится положение, что «носителем суверенитета является народ, из чего вытекает вся власть государства» [15, р. 7]. Партия после поправок стала характеризоваться как «организованный авангард кубинской нации» (ст. 5). В модели «особого периода» усиливается тема

тика безопасности, суверенитета и защиты от внешних угроз, что относится к проблематике теории политического реализма, основной категорией которого выступает государство-нация. В рамках данной теории государство рассматривается именно в качестве национального государства, которое отстаивает свои национальные интересы [16, с.23], о классовом характере государства речь не идет.

Так, идеологически в «особый период» начинается происходить сдвиг от классового подхода к апелляции к проблемам нации и народа. Это можно объяснить рядом факторов. Во-первых, в условиях «момента однополярности» [17] и «конца истории» [18] марксизм, дискредитированный распадом социалистического лагеря и СССР, утратил прежние позиции в области практики и теории. На начало 1990-х годов из-за тяжелого социально-экономического положения Кубе пришлось адаптировать систему к изменившимся условиям. В области политики классовый подход оказался одним из элементов, который подвергся пересмотру в первую очередь. Во-вторых, внешнеполитическое развитие обуславливало повышение внимания к безопасности, поскольку Куба, лишившись связей с партнерами по Совету экономической взаимопомощи (СЭВ), осталась в одиночестве, а натиск со стороны США усилился (принимаются законы Торричелли (1992 г.) и Хелмса-Бертон (1996 г.), в соответствии с которыми санкции Вашингтона начали носить экстерриториальный характер [19, сс. 5-6]).

В период «актуализации» описанная тенденция значительно усиливается. Уже в преамбуле Конституции 2019 г. кубинцы, принимающие документ, именуется «народом», в то время как в прежних версиях они назывались «гражданами», что больше соответствовало реальному процессу принятия Основного закона посредством референдума. В преамбуле также утверждается, что кубинцы вдохновлены «единством нашего народа», осознают, что «единство нации» является базой «политического, экономического и социального порядка» в стране [20, р. 70]. К перечню целей государства прибавляются теперь такие положения, как «укреплять национальное единство», «обеспечивать национальную безопасность» [20, р. 71].

Подчеркнутый переход к адресации к народу и нации отражает усиление противоречий между разными социальными группами общества. Если раньше на Кубе фактически были ликвидированы антагонистические классы и запрещены отношения найма, то в контексте современных реформ разрешение найма и частной собственности на средства производства стимулируют появление прослойки собственников, способных аккумулировать капитал. Их интересы не могут быть выражены пролетарским государством. Кубинское руководство пытается достичь народного консенсуса и смягчить противоречия интересов двух нарождающихся антагонистических классов, что приобретает форму национального государства, которое с теоретической точки зрения выражает общие интересы. В контексте марксистско-ленинской модели эта попытка утопична, поскольку государство по определению выражает интересы правящего класса. Кроме того, начинает опускаться принцип пролетарского интернационализма, который ранее шел в связке с поддержкой национально-освободительных движений по всему миру [21; 22].

НОВЫЕ ФУНКЦИИ КУБИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

В период «актуализации» государство стало характеризоваться ранее не использовавшимися определениями. Согласно первой статье Конституции, Куба является «социалистическим государством, правовым и (обеспечивающим. — *А.А.*) социальную справедливость, демократическим, независимым и суверенным, организованным всеми и во благо всех в качестве унитарной и неделимой республики, основанной на труде, достоинстве, гуманизме и этике ее граждан для реализации свободы, равноправия (*equidad*), равенства (*igualdad*), солидарности, благосостояния и индивидуального и коллективного процветания» [20, р. 70]. После поправок 1992 г. Куба на уровне терминологии не характеризовалась как правовое и демократическое государство. Это было логично, учитывая, что Куба еще в период институционализации марксистско-ленинской модели провозглашалась социалистическим государством, которое идеологически противостояло буржуазной демократии и ее ценностям и не прибегало к терминологии, использовавшейся капиталистической системой. Кубинцы отстаивали право на социалистическую форму демократии, защиту конкретных прав и обязательное обеспечение их реализации, а не постулирование равенства возможных прав, на практике реализующихся далеко не для всех. Теперь кубинская модель включает в себя понятия, близкие европейской социал-демократии, а также дискурс защиты прав человека, в нарушении которых (речь идет, в первую очередь, о правах политических) ее нередко обвиняют.

Отмеченная выше тенденция проявляется в том, что кубинское государство ставит цель «способствовать устойчивому развитию, которое обеспечит индивидуальное и коллективное процветание, и добиваться более высокого уровня равноправия (*equidad*) и социальной справедливости, а также сохранять и преумножать завоевания Революции» [20, р. 71]. Интересно использование понятия *equidad*, которое может переводиться в зависимости от контекста как «равноправие», «справедливость» или «уравновешенность». Частое использование этого термина свидетельствует о повороте в сторону «равноправия» (см. предыдущее упоминание этого термина перед словом «равенство»; *igualdad*) в рамках общего дискурса о равноправии и разнообразии, популярного в современном левом движении, а не «равенства», которое было лозунгом французской революции в рамках требования политических прав, а в XX в. стало лозунгом социалистов в борьбе за социально-экономические права. Достижение такого равенства является целью социалистического общества в русле марксистско-ленинской теории, долгое время оно в высокой степени обеспечивалось на Кубе путем введения либреты — специальной книжки, по которой осуществляется распределение продуктов в системе рационирования, бесплатных столовых и др. феноменов, благодаря которым преодолевался товарный характер производства.

С течением времени вопросы равенства на Кубе приобретают новое содержание. Приведем в качестве примера высказывание из вводной части программного для внедрения «актуализации» документа, принятого на VI съезде *РСС*. Речь идет о «Направлениях социально-экономической политики партии и революции» (2011 г., далее — «Направления»), где говорится: «в предлагаемой экономической политике подразумевается, что со-

циализм означает равенство прав и равенство возможностей для всех граждан, а не уравниловку» [23, р. 5].

В марксистско-ленинской модели равенство выражалось через принцип социалистического распределения, который воспринимался как первый шаг на пути к коммунистическому распределению. То есть современная Куба и на практике, и в идеологии отдаляется от понимания равенства при социализме в марксистском ключе. Так, Карл Маркс характеризовал равенство при социализме как «равное право», но остающееся еще «буржуазным», «неравным правом неравного труда» [24, с. 14], так как работники обладают разными возможностями. Получение благ через общественные фонды (образование и медицина) не являлось безвозмездным, поскольку оно отчасти представляет собой возвращенный производителю прибавочный продукт. Марксистско-ленинская модель предполагала достижение принципа социалистического распределения («по труду») и его дальнейшее преодоление, поэтому в ряде аспектов помимо платы за труд производитель мог получать блага (в том числе культурные) через систему распределения. В результате на современной Кубе изменяются социально-экономические основы понятия «социализм», которое в приведенной цитате из «Направлений» носит скорее либеральный характер и не отражает существенного отличия социализма от капитализма.

Обосновывается также и отход от гарантий, предоставляемых государством всем гражданам, и переход к адресной помощи. На этот аспект указывает изъятие из текста Основного закона 2019 г. ранее фигурировавших социально значимых и всеохватных функций государства (убраны положения, согласно которым государство в качестве народной власти гарантирует, что «не будет мужчины или женщины, способных работать, у которых не будет возможности получить работу», «человека, неспособного трудиться, который не получает достойных средств существования», «больного, который не может получить медицинскую помощь», «ребенка, который не ходит в школу, не имеет питания и одежды» и т.п. [15, pp. 8-9]. Вместо этого среди целей государства указывается пункт «обеспечивать образовательное, научное, техническое и культурное развитие» [20, р. 70]).

Характерной чертой современной модели стала тема борьбы с дискриминацией. Еще в 1992 г. в текст Конституции было включено положение о запрете дискриминации по отношению к религии [15, р. 20]. На современном этапе спектр антидискриминационной проблематики был расширен. Среди признаков, по которым, согласно новой Конституции, запрещается дискриминация, перечислены гендер, гендерная идентичность, сексуальная ориентация, этническое и территориальное происхождение, а также инвалидность [20, р. 76]. Этот перечень соответствует тенденциям леволиберальных идейных течений и популярной среди них проблематике разнообразия и угнетения. С позиций марксизма, угнетение по данным признакам рассматривается как негативная реальность капитализма, но оно является следствием социально-экономической эксплуатации, за счет которой функционирует капиталистический способ производства [25, сс. 173-183, 236-240]. С точки зрения марксизма именно эксплуатация, понятая таким образом, является основной проблемой, против которой необходимо бороться для достижения действительного равенства.

Вероятно, включение в текст Конституции этих положений связано с желанием приблизиться к концепциям в русле «социализма XXI века» [26]; [27]; [28] и найти общую почву со странами Латинской Америки, где эти идеи популярны. Указанное смещение акцентов отражает отход кубинского государства от классического марксизма.

НОВЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В новой Конституции появились пункты, которые, напротив, противостоят социал-демократическим и леволиберальным идеям. Яркий пример — употребление в качестве одной из характеристик *РСС* прилагательного «единственная» [20, р. 71], которое ранее отсутствовало. Однопартийность, характеризовавшая кубинский революционный процесс с создания новой компартии в 1965 г., объяснима сквозь призму марксистско-ленинской теории, но не вписывается в логику современной социал-демократии и идейных течений, которые отходят от представления о партийности философии и отстаивают политический плюрализм, возможность создания партий.

Характеристика партии отражает указанную динамику. В первоначальной модели она была авангардом рабочего класса, а идейно считалась марксистско-ленинской. Уже в «особый период» она становится авангардом нации и приобретает важную идейную ориентацию — характеризуется в качестве «мартинской». Как известно, Хосе Марти был участником движения за освобождение от испанского колониального гнета, героем кубинской войны за независимость (1895—1898 гг.), выразителем идей национального освобождения, «Апостолом» [29, с. 12] независимости. Включение его идейного наследия в определение партии отражает увеличение значимости проблематики национальной независимости Кубы в партийной идеологии. Немаловажно, что это определение в тексте стоит перед характеристикой «марксистско-ленинская» [15, р. 7], что отражает смещение акцентов в рамках переходной модели.

В Конституции 1976 г. тоже есть отсылки к специфике культурно-исторического развития Кубы до революции. Это видно в преамбуле, где кратко описывается история Кубы в контексте колонизации и борьбы за независимость [14, pp. 1-2]. В тексте документа дважды упоминается имя Х.Марти, и его идеи рассматриваются в качестве важных, хотя, вероятно, не столь основополагающих, как идеи марксизма-ленинизма, поскольку последние фигурируют в Конституции чаще (два раза в преамбуле, а затем еще два раза в основном теле). В целом влияние идей Марти на формирование поколения кубинцев, ставших участниками революции, нередко подчеркивается исследователями [30, pp. 76-77]; [31, сс. 35-40]. И действительно, победа революции принесла кубинцам национальную независимость, способность реализовывать интересы народа в рамках суверенного государства.

Еще после неудачного штурма казарм Монкада Ф.Кастро на судебном процессе подчеркивал, что революционеры — продолжатели дела Марти, который был вдохновителем Движения 26 июля [32, pp. 14, 46]. В 1950-е годы отсылки к Марти звучали чаще, чем упоминание социализма и К.Маркса, революционеры были не столь глубоко знакомы с теорией марк-

сизма. Это отчасти объясняется общей дискредитацией коммунизма посредством антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

Так, соотношение идей марксизма и идей национального освобождения на Кубе периодически менялось. В какой-то момент национальные идеи превалировали; после становления на путь строительства социализма — что отражается и в Конституции 1976 г. — стал преобладать марксизм, который сосуществовал с идеями национальной независимости, но не уступал им по значимости. Теперь происходит переход от марксизма как основной идеологии, имеющей научный фундамент, к преобладанию идей национального освобождения, что отражает Конституция 2019 г.

В целом при анализе текста в Конституции 1976 г. просматривается попытка кубинцев сохранить те исторические корни, которые сформировали политический субъект, сумевший в 1950-е годы нанести поражение диктатуре Фульхенсио Батисты. Но в целом с точки зрения самой терминологии в тексте Основного закона и главных положений, а также фундаментальных государствообразующих принципов Кубы, которые были зафиксированы в Конституции, видно явное преобладание марксистско-ленинской идеологии.

В период «актуализации» в определение партии вставлено еще одно прилагательное — «фиделистская», которое стоит после определения «мартинская», но предваряет характеристики «марксистская и ленинская». Марксизм и ленинизм даются не через дефис, как это было раньше, а отдельно. Это изменение не является случайным. После краха СССР в странах Латинской Америки марксизм часто отделяется от ленинизма, поскольку последний ассоциируется с опытом «реального социализма», который носит негативную коннотацию. Поэтому «марксизм-ленинизм», как и «диамат» в дискурсе части латиноамериканских левых окрашены в темные цвета, а общая позиция направлена против советской «ортодоксии» (представителем такой критики является аргентинец Нестор Коан [33], среди кубинских интеллектуалов — Фернандо Мартинес Эредия [34]). Подчеркнем и порядок перечисленных определений, который свидетельствует о степени значимости наследия каждого из указанных исторических лиц.

РСС «организует и направляет общие усилия по строительству социализма и продвижению к коммунистическому обществу. Работает для защиты и укрепления патриотического единства кубинцев и развития этических, моральных и гражданских ценностей» [20, р. 71]. В предыдущих вариантах Конституции акцент на патриотизме и ценностях не делался, а фиксировалась сущностная цель партии — строительство социализма и переход к коммунизму.

СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ, КАПИТАЛИЗМ И МАРКСИЗМ

Рассмотрим изменения в отношении кубинцев к марксизму, социализму и коммунизму в целом и в их противопоставлении капитализму. В модели, существовавшей до распада СССР, коммунизм и социализм понимались сквозь призму марксизма-ленинизма: соответствующая терминология часто использовалась в тексте Основного закона. Ее употребление значительно сократилось уже в 1990-е годы, однако апогея данная тенденция достигла в 2010-е. Заслуживает особого внимания тот факт, что в проекте Конституции (2018 г.) предлагалось убрать упоминание о продвижении к

коммунистическому обществу [35, р. 8], а также изъять положение о том, что граждане Кубы убеждены в том, что «только при социализме и коммунизме достигается полное достоинство человека» [20, р. 70]; [30, р. 7]. После народных консультаций эти положения были возвращены в текст, что отражает приверженность рядовых граждан социализму и коммунизму как ключевым ценностям. Отдельного исследования заслуживает вопрос, почему разработчики проекта Конституции предлагали убрать эти положения. Вероятнее всего, группа авторов текста во главе с Р.Кастро представляла позицию той части партии, которая отстаивает рыночный характер социализма [36].

В итоговом варианте новой Конституции коммунизм хотя и упоминается, но значительно реже. Если, согласно Конституции 1976 г., воспитание, образование и отношение к труду носили коммунистический характер и связывались с коммунистическими идеалами, то в 1990-е годы этот оттенок стал смягчаться отсылкой к понятию «социализм» и размываться апелляцией к патриотизму. В тексте 2019 г. упоминание коммунизма в данных пунктах было изъято.

Что касается социализма и социалистической системы, то эти аспекты кубинского революционного процесса были «защищены» путем принятия поправок в 2002 г. В соответствии с ними в третью статью Конституции были добавлены положения о том, что «социализм и политическая и социальная революционная система» являются «незыблемыми», а «Куба никогда не вернется к капитализму» [37, р. 3]. Незыблемость социализма повторяется и в тексте 2019 г. Отметим, что в проекте Основного закона (2018 г.) предлагалось убрать положение о невозврате к капитализму, но в итоговой версии оно присутствует (согласно тексту преамбулы кубинский народ убежден, что возвращения к капитализму не произойдет) [20, р. 70].

Из преамбулы нового текста изъята часть о цели построить коммунистическое общество. Все еще утверждается, что принимающие Конституцию граждане Кубы убеждены в том, что «только при социализме и коммунизме достигается полное достоинство человека» [20, р. 70]. Но в предыдущих версиях фраза строилась иначе, давалась расшифровка значения слов социализм и коммунизм через понятие эксплуатации: «только при социализме и коммунизме, когда человек освобожден от всех форм эксплуатации — рабства, крепостной зависимости и капитализма, — достигается полное достоинство человека» [14, р. 1]. То есть в новом тексте Основного закона изъяты часть об отсутствии эксплуатации — важной качественной характеристики социализма в марксистском понимании, а также характеристика капитализма как эксплуататорского режима, который антагонистичен социализму и коммунизму.

Интересна трактовка социализма на современном этапе в выступлениях первых лиц государства. Хорошим примером является речь Р.Кастро в Национальной ассамблее в 2010 г., когда глава государства рассказывал о внедрении «актуализации». «Речь просто идет о том, чтобы изменить ошибочные и несостоятельные представления о социализме, которые в течение многих лет сильно укоренились в широких слоях населения, что стало следствием чрезмерного внимания к уравниловке, патерналистского и идеалистического подхода, который был сформирован революцией во имя социальной справедливости. Многие из нас, кубинцев, путают социализм с

бесплатными благами и субсидиями, а равенство — с уравниловкой» [38]. Такой взгляд на социализм предполагает переход от социального вспомоществования к адресной помощи, при этом «вина» в приверженности первой схеме имплицитно возлагается на существовавшие в предыдущую эпоху «идеи» социализма.

Эти «идеи» отражали подход, характерный для марксистско-ленинской модели. Они основывались на материалистическом понимании реальности периода строительства социализма. Описываемая социальная помощь не воспринималась в рамках марксистско-ленинской модели в качестве необоснованной, «бесплатной»; она в большинстве случаев являлась результатом перераспределения прибавочного продукта, то есть продукта труда производителя, в соответствии с планом. Хотя на практике имели место нарушения функционирования этого механизма в связи, к примеру, с низкой производительностью труда или злоупотреблениями чиновников. Однако в рамках модели «актуализации», выраженной в приведенном выше высказывании Р.Кастро, эта система воспринимается как неверная трактовка социализма, что свидетельствует о значительном отходе современной трактовки от той, которая была характерна для марксистско-ленинской модели.

В том же выступлении Р.Кастро можно прочесть, что «классики марксизма-ленинизма, прогнозируя черты, характерные для строительства нового общества, определили — особенно Ленин, — что государство в качестве представителя всего народа будет обладать собственностью на *основные* (курсив мой. — А.А.) средства производства» [38]. Возможно, Р.Кастро подразумевал какую-то форму НЭПа, при котором допускались различные формы собственности и который был тактическим и временным отступлением от социалистического вектора в конкретно-историческом контексте с учетом состояния производительных сил и производственных отношений в начале 1920-х годов. Но практика социализма на Кубе привела к более глубокому процессу обобществления: на 1968 г. 100% собственности в промышленности, строительстве, торговле, образовании и банковской сфере находилось в руках государства, т.е. считались общественными. В сельском хозяйстве доля огосударствления достигла 70%, в транспорте — 98%. К 1977 г. это соотношение сохранялось, но огосударствление сельскохозяйственной сферы поднялось до 79% [39, р. 20]. Отступление от этого уровня обобществления началось в «особый период», но тогда оно воспринималось как временное и объяснялось экономическим кризисом и необходимостью изменять систему управления экономикой в новых условиях, а частная собственность на средства производства не закреплялась юридически.

Интересно, что возможность существования частной собственности на средства производства Р.Кастро обосновал, ссылаясь на марксизм-ленинизм. Этот феномен вызывает особый интерес, поскольку он подтверждает, что роль марксистской теории в кубинском обществе, несмотря на постепенное изъятие этого понятия из официальных документов, в действительности еще высока, поэтому и политики, и представители академической среды пытаются подкреплять свои тезисы этой теорией.

Отход от комплексного восприятия учения Маркса, Энгельса и Ленина наметился еще в 1990-е годы. Так, в поправках к Конституции 1992 г. в преамбуле есть положение о том, что принимающие документ кубинские

граждане «ведомы идейным наследием Хосе Марти, политическими и социальными идеями Маркса, Энгельса, Ленина» [15, р. 5]. В соответствии с анализом специалиста по марксизму А.Б.Рахманова политические и социальные теоретические наработки основателей марксизма не являются сильной стороной последнего. Наиболее развитая и логически проработанная его часть — это политэкономия, а теория прибавочной стоимости была «главным творением» Маркса [40, с. 9], но о политической экономии в тексте поправок не упоминается.

Отмеченная выше тенденция еще ярче отражается в тексте Конституции 2019 г., где указано, что кубинцы ведомы «наиболее передовой частью революционной, антиимпериалистической и марксистской кубинской, латиноамериканской и универсальной мысли, в частности, идейным наследием и примером Марти и Фиделя и идеями о социальном освобождении Маркса, Энгельса и Ленина» [20, р. 69]. Здесь упоминается только часть учения классиков, связанная с социальным освобождением, что сужает спектр важных для Кубы марксистско-ленинских идей. Классикам снова отведено последнее место в ряду перечислений, что отражает расстановку приоритетов. Эти факты свидетельствуют об отходе от марксизма-ленинизма и его идейного ядра — политической экономии, включавшей в себя исторический и диалектический материализм, которые были ключевыми для марксистско-ленинской модели.

В целом изъятие из текста Конституции марксистско-ленинской терминологии, упоминания о коммунизме, а также положений, осуждающих капитализм и его сущностные черты (эксплуатацию), — свидетельство того, что по мере сокращения в официальной идеологии опоры на марксизм-ленинизм, снижается и градус критики капитализма. От нынешнего кубинского руководителя М.Диаса-Канеля часто можно услышать обличительные речи в адрес неолиберализма, но не капитализма. Это контрастирует с последовательной позицией, которую занимал Ф.Кастро, противопоставлявший капитализм и социализм, в том числе в рамках процесса рыночных реформ, которые Куба вынуждена была проводить в условиях «особого периода» [41].

Исследование изменений представлений кубинских властей о социализме показывает, что уже в рамках модели «особого периода» произошел отказ от ряда важных с точки зрения марксизма положений, таких как классовый характер государства и комплексное восприятие идей Маркса, Энгельса и Ленина. Тем не менее этот отход носил конъюнктурный характер: кубинское руководство не пересматривало конечной цели социалистического строительства, не сводило к минимуму апеллирование к понятию коммунизма. В целом модель «особого периода» удерживала важное качество социализма — его противоположность капитализму, поскольку социализм воспринимался как общество, освобожденное от эксплуатации, осуществляемой посредством найма рабочей силы. Хотя в экономической политике в ряде мест и делался шаг в сторону от социалистического вектора, на уровне революционного сознания, идеологически и политически приверженность социализму оставалась четкой и была связана с марксизмом.

В рамках модели «актуализации» роль марксистской теории снижается, и при этом усиливается внимание к фигуре Марти. Понятие социализма начинает наполняться новым содержанием, в котором практически отсутствует обращение к марксизму (тем более, к категориям политической экономики); оно основывается на антиимпериализме, национальном единстве, национальной независимости, суверенитете, уникальности кубинского народа и его культуры. Такая постановка вопроса опускает важную часть марксистско-ленинской модели — классовый подход, а также принцип пролетарского интернационализма.

Кроме того, изъятие из оборота терминологии марксистско-ленинской теории, отсутствие апелляции к коммунизму, а также прямой критики капитализма и его ключевых противоречий свидетельствуют о том, что политическое руководство трактует современную кубинскую социалистическую систему, скорее, как альтернативу неолиберализму, но не капитализму как таковому. Отсылки к основателям марксизма делаются в вопросе социального освобождения, что во многом носит размытый характер, в то время как ключевые для марксистско-ленинской модели реальные механизмы эксплуатации, теория прибавочной стоимости и другие политэкономические открытия опускаются.

Анализ политико-идеологических основ, отраженный в кубинских конституциях, выявляет множество различий между предложенными моделями. В рамках марксистско-ленинской модели социализм воспринимался сквозь призму марксистской теории. При переходной модели наблюдался отход от ряда положений (в том числе от классового подхода), но сохранялся общий вектор движения к коммунизму, заложенный еще в марксистско-ленинской модели. В модели «актуализации» отличий становится еще больше, проявляется поворот в сторону проблем национального государства при отсутствии отсылок к марксизму-ленинизму и ориентации на коммунистические идеалы.

Данные политико-идеологические тенденции соответствуют изменениям, которые происходят в рамках реформ, начавшихся с VI съезда: сокращение возможностей планирования, расширение сферы действия рынка, легализация отношений найма в рамках частного сектора, что вызывает рост социально-экономического неравенства. Положения марксизма-ленинизма не могут оставаться ключевыми в обществе, отходящем от широкомасштабного планирования и все более допускающем рыночные отношения при отсутствии соответствующей идеологической подготовки населения и управленческих кадров. Поэтому идеология претерпевает обозначенные изменения, трактовка социализма постепенно перестает носить марксистский характер.

Проанализированные сдвиги вписываются в существующее различие позиций, которое имеет место внутри партийного аппарата, по вопросу того, что такое социализм и является ли он специфической формой товарного хозяйства. Проведенный анализ свидетельствует о том, что тезис рыночного социализма начинает преобладать над тезисом, согласно которому социализм — способ производства, в рамках которого постепенно преодолевается товарность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. PIB en Cuba cae 11% en 2020: COVID, sanciones y poco turismo. AP News. Available at: <https://apnews.com/article/noticias-32d6cc9e24d32247f4a18f00f560f8d5> (accessed 21.07.2021).
2. Куба: от адаптации к переменам? Отв. ред. Давыдов В.М. М., ИЛА РАН, 2007, 116 с. [Kuba: ot adaptatsii k peremenam? [Cuba: from Adaptation to Changes?]. Moscow, ILA RAN, 2007, 116 p. (In Russ.).
3. Арабаджян А.З. Протесты на Кубе: политический кризис или информационная война? ИМЭМО. Available at: https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/protesti-na-kube-politicheskij-krizis-ili-informatsionnaya-voyna#_ftn8 (accessed 22.07.2021). [Arabadzhyan A. Protesty na Kube: politicheskij krizis ili informacionnaya vojna? [Protests in Cuba: Political Crisis or Information Warfare?]. IMEMO. (In Russ.).
4. Бородаев В.А. История формирования и развития новой политической системы на Кубе (1953–2009 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (07.00.03). М., 2009. [Borodaev V.A. Istoriya formirovaniya i razvitiya novej politicheskoy sistemy na Kube (1953–2009 gg.). Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk (07.00.03) [History of the Formation and Development of Political System in Cuba (1953–2009). Doctor Dissertation in History]. Moscow, 2009. (In Russ.).
5. Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М. М., ИЛА РАН, 2017, 126 с. Kuba nakanune smeny pokolenij [Cuba on the Eve of Generation Change]. Moscow, ILA RAN, 2017, 126 p. (In Russ.).
6. Куба: новый этап адаптации. Отв. ред. Давыдов В.М. М., ИЛА РАН, 2011, 116 с. [Kuba: novyj etap adaptatsii [Cuba: a New Stage of Adaptation]. Moscow, ILA RAN, 2011, 116 p. (In Russ.).
7. Díaz Vázquez J.A. Cuba: actualización del modelo económico-social. *Revista Análisis Internacional*. 2012, N 6, pp.123–144.
8. García Molina J.M. La economía cubana a inicios del siglo XXI: desafíos y oportunidades de la globalización. México, United Nations Publications, 2005, 92 p.
9. Mesa-Lago C. Social Welfare and Structural Reforms in Cuba, 2006–2017. Annual Proceedings. *The Association for the Study of the Cuban Economy*. 2017, Vol. 27, pp.1–17.
10. Mesa-Lago C., Pérez-López J. Cuba under Raúl Castro: Assessing the Reforms. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2013, 295 p.
11. Бородаев В.А., Леонов Н.С., Лепешкин А.А. Рауль Кастро: «Меня избрали для того, чтобы я защищал дело социализма». 2008–2017. М., МАКС Пресс, 2017, 264 с. [Borodaev V.A., Leonov N.S., Lepeshkin A.A. Raul' Kastro: «Menya izbrali dlya togo, chtoby ya zashchishchal delo socializma». 2008–2017 [Raul Castro: "I was Elected to Defend the Cause of Socialism". 2008–2017]. Moscow, MAKSS Press, 2017, 264 p. (In Russ.).
12. Campbell A. "Updating" Cuba's Economic Model: Socialism, Human Development, Markets and Capitalism. *Socialism and Democracy*, N 30 (1), March 2016, pp.1–29.
13. Yaffe H. We Are Cuba!: How a Revolutionary People Have Survived in a Post-Soviet World. Yale University Press, 2020, 288 p.
14. Constitución de la República de Cuba, 1976. Available at: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/6/2525/51.pdf> (accessed 25.07.2021).
15. Constitución de la República de Cuba, 1992. Available at: <https://www.acnur.org/fi-leadmin/Documentos/BDL/2001/0511.pdf> (accessed 25.07.2021).
16. Сетов Н.Р. Политический реализм: теория и метод. М, Издательство Московского университета, 2013, 184 с. [Setov N.R. Politicheskij realizm: teoriya i metod [Political Realism: theory and method]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013, 184 p. (In Russ.).
17. Krauthammer Ch. The unipolar moment. *Foreign Affairs*, 1990, Vol. 70, N1, pp.23–33.
18. Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*, 1989, N16, pp. 3–18.
19. Калашников Н.В., Кодзоев М.А.-М. Куба – США: зигзаг нормализации отношений. *Латинская Америка*, 2018, № 7, сс.5–19. [Kalashnikov N.V., Kodzoev M.A.-M. Kuba – SSHA: zigzag normalizatsii otnoshenij [Cuba – USA: zigzag in normalization of relations]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2018, N 7, pp. 5–19. (In Russ.).

20. Constitución de la República de Cuba. Gaceta oficial №5 Extraordinaria de 10 de abril de 2019, pp. 68–103.
21. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции. *Латинская Америка*, 2020, № 8, сс.60–76 [Jeifets V., Jeifets L. Tradiciya internacionalizma v ideologii i praktike kubinskoj revolyucii [The Internationalist Tradition in Ideology and Practice of Cuban Revolution]. *Latin America*, 2020, N 8, pp. 60–76.
22. Jeifets V., Jeifets L. Moscú, Beijing o La Habana? Los conflictos dentro de la izquierda latinoamericana en torno a la lucha insurreccional, *Izquierdas*, Santiago, 2020, N 49, pp.2752–2776.
23. Lineamientos de la política económica y social del Partido y la Revolución. VI Congreso del Partido. Available at: <http://www.cuba.cu/gobierno/documentos/2011/esp/1160711i.pdf> (accessed 26.07.2021).
24. Маркс К. Критика Готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., Издательство политической литературы, 1979, т.3, сс. 5–28. [Marx K. Kritika Gotskoj programmy [Critique of the Gotha Programme]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1979, vol 3, pp. 5–28. (In Russ.).
25. Маркс К. Критика политической экономии. М., Политиздат, 1949, т. I. 793 с. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. A Critique of Political Economy.] Moscow, Politizdat, 1949, vol. I 793 p. (In Russ.).
26. Casanova A. Una aproximación teórica del “Socialismo del siglo XXI”. *Iberoamérica*, 2019, N 4, pp. 165–183.
27. Dieterich H. El Socialismo del siglo XXI. Available at: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=82091> (accessed 25.07.2021).
28. Hamecker M. América Latina y el socialismo del siglo XXI. Guatemala, Secretaría de la Paz, 2010, 82 p.
29. Слезкин Л.Ю. История Кубинской Республики. М., Наука, 1966, 468 с. [Slyozkin L.Yu. Istoriya Kubinskoj Respubliki [History of the Cuban Republic]. Moscow, Nauka, 1966, 468 p. (In Russ.).
30. Cancino H. El discurso ideológico de la Revolución Cubana. Para un estudio de las raíces histórico-ideológicas de la revolución. *História: Debates e Tendências*, 2010, Vol. 10, N 1, pp. 73–86.
31. Кодзоев М. М.-А. Хосе Марти: «кузнец» кубинской независимости. *Латинская Америка*, М, 2020, № 5, сс. 31–42. Kodzoev M. Hose Marti: «kuznec» kubinskoj nezavisimosti [Jose Marti: the “Molder” of the Cuban Revolution]. *Latin America*, Moscow, 2020, N 5, pp. 31–42. (In Russ.).
32. Castro Ruz F. La historia me absolverá. La Habana, Editorial de ciencias sociales, 2007, 90 p.
33. Kohan N. Pensamiento Crítico y el debate por las ciencias sociales en el seno de la revolución cubana. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/becas/critica/C07NKohan.pdf> (accessed 26.07.2021).
34. Martínez Heredia F. Pensamiento social y política de la Revolución. Pensar en tiempo de Revolución: antología esencial / M. Sánchez Quiroz (Comp.). Buenos Aires, CLACSO, 2018, pp. 73–96.
35. Proyecto de la Constitución de la República de Cuba. Available at: [http://www.granma.cu/file/pdf/gaceta/2018_07_25%2021_10%20Tabloide%20Constituci%C3%B3n%20\(sin%20precio\)%20B&N.pdf](http://www.granma.cu/file/pdf/gaceta/2018_07_25%2021_10%20Tabloide%20Constituci%C3%B3n%20(sin%20precio)%20B&N.pdf) (accessed 27.07.2021).
36. Piñeiro Hamecker C. Visiones sobre el socialismo que guían los cambios actuales en Cuba, *Temas*, 2012, N 70, pp. 46–55.
37. Constitución de la República de Cuba [2002]. Available at: <http://www.unesco.org/education/edurights/media/docs/1caa9c19bc887fe46ade669d1f5e69c3f0343afc.pdf> (accessed 27.07.2021).
38. Discurso pronunciado por el General de Ejército Raúl Castro Ruz, Presidente de los Consejos de Estado y de Ministros, en la clausura del Sexto Período Ordinario de Sesiones de la Séptima Legislatura de la asamblea Nacional del Poder Popular, en el Palacio de Convenciones, el

Александра Арабаджян

18 de Diciembre de 2010, "Año 52 de la Revolución". Available at: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2010/esp/r181210e.html> (accessed 30.07.2021).

39. El sistema de dirección y planificación de la economía cubana. Santiago de Chile, Publicación de las Naciones Unidas, 1988, 201 p.

40. Рахманов А.Б. Социальная философия К. Маркса и Ф. Энгельса и ее антиномии. М., ЛИБРОКОМ, 2012, 608 с. [Rakhmanov A. Social'naya filosofiya K. Marksa i F. Engel'sa i ee antinomii [Social philosophy of K. Marx and F. Engels and its antinomies]. Moscow, LIBROKOM, 2012, 608 p. (In Russ.).

41. Discurso pronunciado por el Comandante en Jefe Fidel Castro Ruz en la clausura del Festival Juvenil Internacional Cuba Vive, efectuada en el teatro "Carlos Marx", el 6 de agosto de 1995. Available at: <http://www.fidelcastro.cu/ru/node/786> (accessed 26.07.2021).

Alexandra Z.Arabadzhian (aleche28@gmail.com)

Junior Research Fellow at the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the RAS, PhD Student at the Institute of World History of the RAS

Profsoyuznaya Str., 23, 117 418 Moscow, Russian Federation

Evolution of political and ideological foundations of Cuban socialism and its reflection in the Constitutions of the country

Abstract. The paper investigates contemporary political and ideological shifts of Cuban socialism paying specific attention to the period of actualization of Cuban socio-economic model of development implemented since the VI Congress of the Communist party of Cuba. The analysis is based on the different variants of Cuban Constitutions and proposes three historical models of Cuban socialism (Marxist-Leninist, the model of transition and the actualization period model). Comparing the texts of the Constitutions, the study sheds light on several key aspects: the role and functions of the State and the Party, ideological problems of socialism, communism and Marxism, the evolution of the exploitation and oppression concepts, issues of equity and equality, and appeal to the figure of J. Martí. Using historical method, comparative analysis and Marxist theory, as the latter has been the base for the first model of Cuban socialism under investigation, the paper reveals the role of Marxism within the three models. The study uncovers the contradiction between postulating a significant role of Marxism within the actualization model and revision of several core Marxist principles as well as the turn towards national issues in the contemporary Cuban socialism.

Key words: Cuba, socialism, Constitution, Marxism, actualization of the model of development, State.

DOI: 10.31857/S0044748X0017111-1

Received 23.07.2021